

АНДРЕЙ М. КОРБУТ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3835-9863

Социальное дистанцирование как кооперативное действие: аффилиация и дизаффилиация во время пандемии

doi: 10.22394/2074-0492-2021-4-75-96

Резюме:

В статье рассматривается проблема кооперации участников повседневных взаимодействий при осуществлении социального дистанцирования. «Социальная дистанция» стала одним из символов и новой реальностью в условиях пандемии. Для социологов социальная дистанция чаще всего служит метафорой социальных отношений, складывающихся сегодня в условиях ограничений контактов лицом к лицу. Однако социальная дистанция представляет собой также практическую проблему, которую приходится решать повседневным акторам в рутинных обстоятельствах. В статье рассматривается, какая грамматика социального дистанцирования может быть обнаружена в повседневных ситуациях, а также описывается, как эта грамматика реализуется в двух конкретных случаях, один из которых демонстрирует аффилиацию между участниками, а другой — дизаффилиацию. Показывается, что в обоих случаях присутствует та или иная форма кооперации: в случае аффилиации кооперация наблюдается после социального дистанцирования и предполагает мониторинг действий другого, а в случае дизаффилиации кооперация наблюдается до случая не-дистанцирования и предполагает отказ от мониторинга другого. Эти наблюдения позволяют критически отнестись к возможности применения к феномену социального дистанцирования классического социологического понятия «солидарность».

75

Корбут Андрей Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, научные интересы: этнометодология и конверсационный анализ, e-mail: akorbut@hse.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60535.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-04-60535.

Ключевые слова: социальная дистанция, COVID-19, солидарность, аффилиация, дизаффилиация, кооперативные действия, видеоанализ, этно-методология, социология повседневности

Andrei M. Korbut¹

HSE University, Moscow, Russia

Social Distancing as Cooperative Action: Affiliation and Disaffiliation during the Pandemic

Abstract:

The article considers the problem of the cooperation of participants in everyday interactions while doing social distancing. “Social distance” has become one of the symbols and the new reality of the pandemic. For sociologists, social distance most often serves as a metaphor for social relations that takes shape today when restrictions on face-to-face contacts are imposed by officials, employers, or people themselves. But social distance is also a practical problem that everyday actors have to deal with in routine circumstances. The article examines the grammar of social distancing that can be found in everyday situations, and describes how this grammar is realized in two particular cases, one of which demonstrates affiliation between the participants while the other demonstrates disaffiliation. It is shown that in both cases some form of cooperation is present: in the case of affiliation, cooperation is observed following social distancing and involves monitoring the actions of the other, while in the case of disaffiliation, cooperation is observed prior to the instance of non-distancing and involves not monitoring the other. These observations allow us to take a critical look at the possibility of applying the classical sociological notion of “solidarity” to the phenomenon of social distancing.

Keywords: social distance, COVID-19, solidarity, affiliation, disaffiliation, cooperative action, video analysis, ethnomethodology, sociology of everyday life

Введение

СОВИД-19 изменил многие аспекты повседневной жизни, привнеся в ситуации социального взаимодействия как новые материальные объекты, в отношении которых большинству людей приходится вырабатывать новые привычки использования², так и новые

1 Korbut Andrei — Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, research interests: ethnomethodology and conversation analysis, e-mail: akorbut@hse.ru

2 Маски и перчатки — наиболее заметные и часто используемые из таких новых объектов, но есть и другие, с которыми нам нужно учиться взаимодействовать, например тампоны с длинными стержнями, которыми берут

способы поведения. Для социологии второй аспект представляет наибольший интерес, поскольку довольно редко мы можем наблюдать настолько масштабные трансформации повседневных практик¹. Природа заболевания и принимаемые официальные меры для предотвращения его распространения ставят повседневных акторов в ситуацию необходимости выработки практик взаимодействия, ориентированных на изменившийся моральный ландшафт повседневности: COVID-19 сделал всех нас доступными для новых (хотя и не радикально новых) моральных оценок со стороны других и предоставил нам новые основания для моральной оценки других. Эти новые практики взаимодействия связаны с рекомендуемыми или предписываемыми способами поведения, но эта связь имеет рефлексивный характер: повседневные акторы действуют с этими рекомендациями или предписаниями, но не по ним или в *противоположность* им. (К тому же, во многих случаях людям приходится самостоятельно вырабатывать способы поведения в отсутствие каких-либо рекомендаций.) Например, среди способов передачи коронавируса указывается следующий: «Возможен контактный путь передачи, который реализуется во время рукопожатий и других видах непосредственного контакта с инфицированным человеком» [Министерство здравоохранения РФ, 2021: 14]. А поскольку рукопожатие — это не физический, а социальный акт, перед вступающими во взаимодействие встает необходимость изобретения новых способов осуществления или избегания рукопожатия [Mondada et al. 2020]. Так, многие начинают здороваться, соприкасаясь кулаками или локтями либо придумывают еще более необычные способы телесного контакта в начале или конце взаимодействия, скажем, с помощью ног. Если участники предпочитают отказываться от телесного контакта, им необходимо оправдывать такое явное отсутствие одного из стандартных элементов социальных взаимодействий устно или с помощью жестов. В любом случае, каков бы ни был выбранный способ реагирования на угрозу заражения через рукопожатие, он требует согласованных действий с другими людьми, т. е. должен не только пониматься и приниматься, но и координироваться в деталях осуществляемых действий. Новые пандемические способы взаимодействий требуют новых форм кооперации.

77

мазок при ПЦР-тесте. Те, кому доводилось сдавать этот тест, знают, что для его прохождения необходима определенная дисциплина тела, которая, как правило, вырабатывается на месте и часто сопровождается инструкциями и комментариями медицинского работника, берущего мазок.

- 1 Некоторые даже называют это состояние «интеракционной аномией» [Romania 2020] и «разрывом в текстуре социальных практик» [Cozza et al. 2021].

Приведенные соображения показывают, насколько сильно меняются в ситуации пандемии важность и способ осуществления многих привычных повседневных практик и насколько принципиальным становится вопрос о кооперации и нежелании или неспособности кооперироваться других участников взаимодействия. Возможно, наиболее явно эти особенности новой социальной реальности, в которую нас помещает COVID-19, проявляются в практике «социального дистанцирования», которую начали рекомендовать и пропагандировать с самого начала пандемии. Как стандартный элемент эпидемиологических мер в ситуации распространения инфекционного заболевания, социальное дистанцирование имеет неоднозначный статус, который отражается в спорах о «правильном» названии данной практики (наиболее часто предлагаемые альтернативы — «санитарное дистанцирование» и «физическое дистанцирование»). Эти споры свидетельствуют, в том числе, о том, что «социальное» в «социальном дистанцировании» указывает не только на простой факт контакта двух людей, но и на то, каким образом этот контакт реализуется. Слово «социальная дистанция» использовалось и до пандемии COVID-19 (см., например: [Kozłowski, Kiviniemi, Ram 2010]), в том числе в медицинском дискурсе, однако пандемия сделала и сам этот термин, и правила, в формулировки которых он входит, и действия, которые он должен обозначать, всепроникающими. О необходимости соблюдения социальной дистанции сообщают не только наклейки в общественном транспорте и рекламные щиты, но и знаки на земле в парках, изображения на сиденьях в театрах и расстояние между президентами мировых держав на пресс-конференциях. При этом почти всегда безопасная социальная дистанция оценивается в цифрах, имеющих под собой более или менее серьезные медицинские основания.

Социальная дистанция, как термин и реальность, конечно, не новость не только для медицинских работников, но и для социологов и обычных людей. Социологи давно изучают социальную дистанцию и как метафору социальных отношений [Зиммель 2015; Бурдье 2007], и как расстояние до другого во взаимодействии [Goffman 1971], а обычные люди практикуют социальную дистанцию в конкретных ситуациях. Пандемия добавила к привычным практикам и решениям, связанным с дистанцированием, новое измерение, касающееся возможности заражения и отношения людей к этой возможности. Хотя можно сказать, что численные оценки необходимой социальной дистанции не стали базовым ориентиром в ситуациях социального взаимодействия, изменились основания, на которых люди производят в повседневных ситуациях оценку того, какая дистанция является «достаточной» для текущих обстоятельств. Если до пандемии социальная дистанция во взаимодействии рас-

сматривалась исходя из отношений между взаимодействующими, из обстановки, в которой происходит взаимодействие (включая организацию пространства за пределами взаимодействия), и из организации самого взаимодействия (например, необходимости зрительного и аудиального контакта с собеседником), то теперь появились несколько новых повседневных «шкал», которые применяются к социальной дистанции, или новые грамматические правила дистанцирования по отношению к другим людям.

В данной статье мы рассмотрим, какая грамматика социального дистанцирования может быть обнаружена в повседневных ситуациях, а затем опишем, как эта грамматика реализуется в двух конкретных случаях, один из которых демонстрирует аффилиацию между участниками, а другой — дизаффилиацию. Мы покажем, что в обоих случаях присутствует та или иная форма кооперации: в случае аффилиации кооперация наблюдается после социального дистанцирования и предполагает мониторинг действий другого, а в случае дизаффилиации кооперация наблюдается до случая не-дистанцирования и предполагает отказ от мониторинга другого. Эти наблюдения позволят критически отнестись к возможности применения к феномену социального дистанцирования классического социологического понятия «солидарность». Но прежде, чем перейти к рассмотрению указанных тем, необходимо остановиться на методологии предлагаемого исследования, которую лучше всего очертить, показав ее отличия от других подходов к анализу социального дистанцирования в ситуации пандемии.

79

Социальная дистанция в социологическом воображаемом

Внезапное массовое проникновение термина «социальная дистанция» из эпидемиологических текстов в разного рода публичные высказывания вызвало удивление и, в некоторых случаях, возмущение социальных ученых, которые уже много десятилетий использовали этот термин для обозначения отношений между социальными позициями (группами, классами, статусами), а не физическими телами (см. обзор в [López 2021] и [Scherlis 2020]). Вместе с тем социальные ученые оказались, наряду со всеми остальными, захвачены новыми способами воображения «социальной дистанции» в качестве элемента социальной реальности во время пандемии COVID-19. Наравне с масками, социальное дистанцирование стало образом, метафорой и предметом исследований, направленных на осмысление сложившейся ситуации. Прежде всего, конечно, социальное дистанцирование было включено в уже отлаженные формы социологического воображаемого — рассмотрение транс-

формаций различных областей социальной жизни под влиянием того или иного фактора. Например, социологи начали показывать, каково воздействие социального дистанцирования на экономику [Augiemma, Iannaccone 2020], религию [Baker et al. 2020] и преступность [Mohler et al. 2020]. Поскольку пандемия затронула все сферы социальной реальности, для социальных ученых открылось безграничное поле применения опробованных технологий социального анализа. Эти технологии в той или иной мере предполагают приписывание социальному дистанцированию некоторых измеримых характеристик, доступных для агрегирования.

Другой путь, основанный на иных технологиях социального анализа, заключается в изучении социального дистанцирования как культурного феномена. Например, можно, опираясь на теории решетки-группы М. Дуглас, выделять 4 типа культурных предрассудков в отношении социального дистанцирования: иерархические, эгалитарные, индивидуалистические и фаталистические [Davy 2021], а также рассматривать, как меняются в результате социального дистанцирования культурные представления о чистом и грязном [Ibid.]. Или можно применять к ситуации пандемии понятие «отвращения» Ю. Кристевой, показывая, что социальное дистанцирование является реакцией на «трансгрессивную природу вируса» [Pfaller 2020: 826]. Культурсоциология открывает в этом отношении большие возможности (см. № 3 «American Journal of Cultural Sociology» за 2020 год). Например, можно рассматривать социальное дистанцирование как элемент процесса «культурного травмирования», показывая, что COVID-19 «сжимает социальное время и процессы формирования идентичности в рамках позднемодерной компрессии пространства-времени» [Demertzis, Eyerman 2020: 445]. В отличие от предыдущих, эти формы социологического воображаемого предполагают не агрегирование измеримых характеристик социального дистанцирования, а нарративизацию дистанцирования путем придания ему характера симптома скрытых социальных процессов.

От двух указанных вариантов пандемического социологического воображаемого отличаются техники анализа, предполагающие изучение того, как социальное дистанцирование интегрируется в риторические и поведенческие стратегии. С одной стороны, здесь можно исследовать, как вырабатываются и меняются социальные представления о социальном дистанцировании, показывая его переход из статуса угрозы для социальной жизни в статус предмета избегания и затем в статус обузы [Nerlich, Jaspal 2021]. С другой стороны, можно рассматривать, каким образом с течением времени меняется приверженность правилу соблюдения дистанции в 1,5 метра, обнаруживая, что падение числа людей, следующих этому правилу на улицах, коррелирует с увеличением количества людей,

находящихся там [Hoeben et al. 2021]. В обоих случаях, однако, социальное дистанцирование берется как нечто самой собой разумеющееся, в том смысле, что социальные ученые используют свое представление о социальном дистанцировании в качестве проблематичного ресурса анализа.

Указанным выше исследовательским тенденциям противостоит натуралистический подход к изучению социального дистанцирования как предмета коллективных социальных практик. В отличие от остальных способов воображения социального дистанцирования, натуралистические исследовательские стратегии рассматривают его как предмет ориентации самих акторов, неопределенность которого связана не с тем, как к нему можно *относиться*, а с тем, как его можно *делать*. В этих исследованиях показывается, например, что участникам социальных взаимодействий приходится переизобретать стандартные элементы вроде приветствия с помощью прикосновения, прибегая к практике исправления предлагаемого другим участником приветствия и предложения нового способа прикосновения, либо практике отказа от прикосновения, либо практике извинения за прикосновения [Katila, Gan, Goodwin 2020]. Также демонстрируется, что социальное дистанцирование предполагает задействование материальных объектов, например, когда в процессе покупки товара продавцы начинают использовать специальную корзинку для получения денег от покупателя и передачи покупателю товара и сдачи [Mondada et al. 2020a].

81

Данная статья продолжает линию натуралистических исследований повседневных практик в ситуации пандемии и, в частности, практики социального дистанцирования. Мы покажем, что социальное дистанцирование предполагает кооперативную работу участников взаимодействия, которая служит основанием для аффилиации и дизаффилиации по отношению к другому. Эта работа связана с некоторыми устойчивыми способами осмысления возможностей социального дистанцирования, которые можно назвать его *грамматикой*.

Грамматика социального дистанцирования

Как грамматика естественного языка не говорит о том, каким образом люди используют этот язык, так и грамматика социального дистанцирования в ситуации пандемии не говорит о том, как люди «делают» дистанцирование. Однако, как в первом случае, так во втором, описание грамматики позволяет схватить и назвать некоторые организационные феномены, на которые ориентируются и которые совместно производят практикующие. Эта грамматика носит публичный характер, в том смысле, что она доступна любому компе-

тентному члену общества, а также в том смысле, что она реализуется, прежде всего, в публичных отношениях. Несмотря на то, что требование соблюдения социальной дистанции никогда не уточняет, между какими категориями людей эта дистанция должна соблюдаться, мы видим, что фактически близкие отношения выводятся из-под действия этого правила, как в публичных, так и в частных местах. Люди, которые зримо «вместе», теперь видятся как находящиеся вместе в том числе потому, что минимизация дистанции между ними и взаимная ориентация друг на друга в форме обоюдных направленных взглядов, высказываний и жестов свидетельствует об их восприятии друг друга в качестве людей, в отношении которых они считают непозволительным публично демонстрировать опасение заразиться, даже если такое опасение присутствует.

Опишем элементы грамматики дистанцирования, которые были привнесены пандемией COVID-19.

1. Когда люди создают социальную дистанцию или наблюдают, как кто-то ее создает, это может указывать, в первую очередь, на то, каким образом воспринимается сущность *болезни*, ее эффекты и способы ее передачи. Дистанцирование от другого может свидетельствовать о том, что болезнь, с точки зрения дистанцирующегося, передается через прикосновение или через воздух, каковым бы ни было направление потенциального заражения: от дистанцирующегося к тому, от кого дистанцируются, или наоборот. Эти представления о характере болезни имеют в том числе временное измерение: в той мере, в какой дистанцирование наблюдается чаще при продолжительных контактах и реже — при кратковременных (некоторые люди быстро проходят мимо других, чтобы снизить шанс заражения), можно говорить о том, что для ряда повседневных акторов длительность контакта связывается с шансами заразиться и, соответственно, с необходимостью социального дистанцирования. Дистанцирование также может говорить наблюдателю о восприятии серьезности заболевания: чем больше дистанция, чем более серьезными последствиями для здоровья может быть чревата болезнь с точки зрения дистанцирующегося. («Серьезность» при этом обычно оценивается в соответствии с опасностью болезни для жизни.)

2. Другой способ «употребления» социальной дистанции — выражение и установление отношения к органам или людям, выступающим в качестве или от лица официальных *институтов*, борющихся с болезнью. Социальное дистанцирование становится одним из способов демонстрации отношения к формулируемым правилам поведения, обусловленным COVID-19. Определенной категорией наблюдателей зримое дистанцирование воспринимается как правилосообразное поведение, которое, в силу этого, свидетельствует о позитивном отно-

шении дистанцирующегося к соответствующему правилу. Следование правилу может приравниваться к согласию с правилом. Зримое не-дистанцирование, в свою очередь, также может восприниматься в контексте следованию правилу, только, на этот раз, будет свидетельствовать о противоположном отношении.

3. Социальная дистанция, как элемент повседневных взаимодействий, связывается также с ситуационными *приличиями*¹ — с ожидаемыми проявлениями вежливости, подобающими текущим обстоятельствам. Можно сказать, что некоторые дистанцирующиеся делают это, чтобы оказать другому пандемическую любезность, позитивно оцениваемую реципиентом и становящуюся (возможно, временно) одним из стандартных элементов учтивости, практикуемой и требуемой теперь в публичных местах. В этом отношении приличность дистанцирования может оцениваться не только с точки зрения самого факта дистанцирования, но и с точки зрения его формы: например, если дистанцирующийся слишком резко или быстро отходит от кого-то, тот может воспринимать подобную форму дистанцирования как в целом понятную, но неуместную, поскольку она предполагает видимую оценку объекта дистанцирования как очень опасного и, следовательно, нарушающего приличия, предполагающие предусмотрительность любого актора в отношении опасности заражения других и соответствующий отказ от контактов в случае наличия у себя признаков заболевания или подозрения на заболевание.

4. Еще один практический контекст, в который помещается дистанцирование, — это контекст повседневной *морали*. Речь идет, в данном случае, не о следовании или не следовании формулам вежливости, а о демонстрируемом в поведении отношении к другим людям. Страх другого, свидетельством которого в этом случае выступает социальная дистанция, в ситуации пандемии приписывается восприятию другого в качестве потенциального источника заражения. И хотя этот потенциальный источник может считать, что он или она не представляет никакой реальной опасности для присутствующих, он или она может не воспринимать подобное отношение к себе как нарушение ситуационных приличий, признавая принципиальную возможность такого отношения к нему или к ней в силу принадлежности к числу одинаково незнакомых дистанцирующемуся окружающих людей. Помимо страха другого, однако, социальная дистанция может выражать заботу о другом (боязнь не заразиться, а заразить), а отсутствие дистанции — отсутствие такой заботы. Поскольку так выражаемая забота о другом обычно считается поло-

1 Термин Э. Гоффмана. См. [Гоффман 2017: 84].

жительным социальным качеством, элементом одобряемой морали, дистанцирующие могут прибегать к аргументу «Я не хочу вас заразить» в случае, если объект дистанцирования ставит ее обоснованность под вопрос фразой «Не бойтесь, я не заразный».

5. Наконец, социальное дистанцирование может оцениваться и практиковаться исходя из ощущаемой угрозы для *самого* дистанцирующегося. Боязнь заразиться здесь не обязательно предполагает определенную моральную оценку того, от кого дистанцируются, которая, если она присутствует, бросает на дистанцирующегося тень подозрений в эгоистичности. Человек может просто бояться заразиться вообще. В этом случае дистанция становится основанием и орудием оценки «внутреннего мира» другого, тотальной («этот человек всего боится») или ограниченной («этот человек боится коронавируса»). Тогда сам факт проявления страха или опаски в форме дистанцирования может рассматриваться как свидетельство силы испытываемого чувства, которая побуждает дистанцирующегося преодолеть страх показаться невежливым, если он или она продемонстрирует наличие у него или нее опасений по поводу другого человека без достаточных на то оснований (например, высказанной другим словесной угрозы).

84

Прагматическим условием работы указанной грамматики социального дистанцирования в ситуации пандемии является узнаваемость дистанцирования или не-дистанцирования в наблюдаемых деталях действий. Это принципиально ситуационная работа, поскольку то, какого рода дистанция воспринимается в качестве «дистанцирования» или «не-дистанцирования», зависит от конфигурации деталей производимой и свидетельствуемой участниками локальной упорядоченности происходящего. Дистанцирование должно стать *заметно*, а его заметность обнаруживает себя лишь на фоне совершаемых здесь и теперь действий. Поэтому дальше мы рассмотрим две случая, показывающие составленную выше грамматику социального дистанцирования в действии, и выявим социальные условия ее применения в разворачивающихся естественных практиках.

Узнаваемое дистанцирование и аффилиация

Сначала рассмотрим ситуацию, когда дистанцирование становится заметной чертой ситуации, доступной не только дистанцирующемуся. Это эпизод взаимодействия в Московском метро в августе 2020 года¹. В этой ситуации две пассажирки — более по-

¹ Данные собраны при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60535.

жилая женщина в светлой куртке (П1) и сидящая рядом с ней более молодая женщина в черной куртке (П2) — совместными действиями не только производят социальную дистанцию, но и делают ее узнаваемой.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

86	01	П1	в	вперед	влево	подн вперед вверх
	02		д	сидит		пересаживается
	03	П2	в	на телефон		на П1
	04		д	сидит с правой рукой на телефоне		
				1-----2-----3-----4->		
	05	П1	в	вперед		вниз
	06		д	сидит		подн руку поправляет маску
	07	П2	в	вперед	влево	вперед
	08		д		опуск руку на сумку пересаживается	
				-----5-----6-----7-----8-->		
	09	П2	в	вперед		
	10		д	опруку сидит		
	11	П2	в		на П1 потом вперед	
	12		д	сидит держась за сумку		
				-----9-----10-----11 ¹		

1 В транскрипте пунктирная линия обозначает время (каждое деление, включая цифры, — 0,1 секунды). С помощью вертикальных линий обозначается момент начала действия, которое длится до следующей вертикальной линии. «В» и «д» обозначают «взгляд» и «действия». Номера на линии времени — это номера представленных выше скриншотов, сделанных в соответствующий момент.

В этом эпизоде социальную дистанцию создает П1, которая сначала смотрит влево вниз, а потом чуть-чуть перемещается ближе к поручню. Еще до окончания этого действия П2 поднимает глаза на П1 и потом, после паузы, опускает правую руку, которой она до этого прикасалась к экрану мобильного телефона, лежащего в левой руке, берется за ремень сумки, висящей через плечо, и немного смещается в сторону от П1, после чего бросает еще один взгляд на П1. Направление взглядов П2 и то, что она пересаживается сразу после того, как П1 меняет свое положение, говорят, что реакция П2 была обусловлена действием П1. Действие П1 стало особенно заметным, поскольку все остальные пассажиры (за исключением идущего по проходу) не делали никаких движений.

Действие П1 может иметь троякий смысл в ситуации поездки в метро: она может отодвигаться от вплотную сидящего пассажира (что в данном конкретном случае, очевидно, не так), она может давать больше места планирующему сесть пассажиру (здесь таковым может быть только идущий по проходу пассажир, которого П1 не видит в момент начала своего движения), и она может выстраивать социальную дистанцию из-за COVID-19. Мы полагаем, что имеет место последнее. Помимо указанных соображений к этому выводу подталкивают два обстоятельства. Во-первых, П1 после пересаживания поправляет маску, которая до этого находилась у нее под носом, и надевает ее на нос (скриншот 7). Хотя не очень понятно, заметила ли этот жест П2, которая в этот момент пересаживается, придерживая сумку (у П2 была возможно заметить этот жест не только краем глаза, но и потому, что, когда она пересаживалась, он немного повернула голову в сторону П2), «полное» натягивание маски после пересаживания может свидетельствовать о том, что П1 опасается заражения, а значит предыдущее действие могло быть вызвано тем же. Во-вторых, что важнее, П2 реагирует так, как если бы П1 отсаживалась *от нее*. Учитывая наличие между ними пустого места, такое отсаживание может означать, что П1 опасается П2 как источника болезни, т. е. что П2 сидит, с ее точки зрения, слишком близко к ней.

Для характеристики социальных механизмов производства социальной дистанции в этом эпизоде важно отметить, что физически дистанция между пассажирками почти не меняется в результате их действий. Отсаживание друг от друга демонстрирует здесь ориентацию не на физические характеристики пространства, а на социальные особенности пространства как предмета оценивания участников. П2 реагирует на то, как П1 оценивает пространство. Хотя геометрия пространства между П1 и П2 в результате почти не меняется, социальный характер этого пространства меняется радикально: то, что раньше было «свободным местом» между пассажирками (или местом, не занятым из-за соответству-

ющей наклейки на сиденьи), становится пандемической социальной дистанцией. Но это достигается только за счет взаимной ориентации участниц, воплощаемой в последовательностях действий и взглядов.

Рассмотренный пример показывает, что заметность и узнаваемость социального дистанцирования как характеристики социальных взаимодействий в условиях пандемии связан с кооперативными действиями участников. Эти кооперативные действия делают COVID-19 «видимым» в качестве объекта ориентации людей, выстраивающих дистанцию до других присутствующих. Публичные места вроде метрополитена не позволяют поддерживать «правильное» расстояние (в России — 1,5–2 метра) до окружающих, однако это не значит, что социальное дистанцирование невозможно. Хотя с медицинской точки зрения, вероятно, рассмотренный выше случай не может считаться случаем социального дистанцирования, поскольку участницы не соблюли положенное расстояние, с социологической точки зрения это пример социального дистанцирования, поскольку участницы сделали расстояние между ними заметным и понятным в качестве пространства, ориентированного на COVID-19.

88

В рассмотренном фрагменте ключевое значение имеют два момента. Во-первых, то, что кооперативное действие второго участника взаимодействия (П2) предпринимается *после* социального дистанцирования. В этом отношении можно утверждать, в некоторых случаях социальное дистанцирование *побуждает* к кооперации. Во-вторых, кооперирующий участник осуществляет *мониторинг* действий второго участника (П2 бросает два взгляда на П1), в данном случае — до и после кооперативного действия. Этот мониторинг позволяет отслеживать действия дистанцирующегося человека. Два выделенных аспекта — кооперация после дистанцирования и мониторинг дистанцирующегося — позволяют говорить, что в данном случае мы имеем дело с *аффилиацией*, т. е. со стремлением «подстроиться» под действия другого участника ситуации, выстроить согласованную линию поведения.

Следует добавить, что условия для социального дистанцирования в метро могут существенно отличаться от условий на улице (о последних см. [Laurier et al. 2020]): на улице гораздо больше места, которое можно вовлекать в практики дистанцирования, поэтому дистанцирование на улице заключается скорее в выстраивании траекторий движения, в отличие от метро, где приходится управлять собственно расстояниями. Однако есть и общие аспекты: как в метро, так и на улице участники взаимодействия могут судить о социальном дистанцировании исходя из места, занимаемого дистанцирующимся. Например, как пешеход демонстрирует ори-

ентацию на дистанцию, двигаясь по самому краю тротуара [Ibid.], так и пассажиры метро демонстрируют ориентацию на дистанцию, занимая места на краях доступного пространства (сиденья у поручней или стоячее место у середины закрытых дверей).

Узнаваемое не-дистанцирование и дизаффилиация

На первый взгляд, определить не-дистанцирование проще, чем дистанцирование. Хотя мы не измеряем социальную дистанцию в сантиметрах, мы определенно применяем к ней оценки «ближе» и «дальше», и тогда определить человека, который стоит к тебе «слишком близко» оказывается проще, поскольку наша система оценки дистанции до другого смещена к полюсу «близости»: для нас важнее, насколько близко находится другой к нам, чем насколько он далеко от нас. Это кажущаяся легкость определения не-дистанцирования приводит к тому, что в соответствующих ситуациях предметом внимания исследователей и других аналитиков (например, журналистов) оказываются последствия, а не условия узнаваемости не-дистанцирования. В качестве иллюстрации рассмотрим 30-секундную видеозапись под названием «В супермаркете в Москве мужчина толкнул пенсионерку», размещенную на канале «Инцидент | Москва» в социальной сети ВКонтакте¹. Это съемка экрана компьютера, на котором показывается запись с камеры наблюдения в одном из магазинов Москвы. На этой записи зафиксирован инцидент, описанный в заголовке сообщения: покупатель-мужчина толкает пожилую покупательницу, после чего та падает на пол. Новость на канале «Москва 24», посвященная последствиям этого инцидента, вышла под заголовком «В Москве нашли пенсионерку, которую толкнули за несоблюдение социальности»². Оба заголовка описывают последствия несоблюдения социальной дистанции, однако в обоих сообщениях не рассматривается, как ситуация разворачивается до того, как один участник толкает другого. Это связано не только со спецификой журналистского восприятия «происшествий», акцентирующего только то, что может стать «новостью», но и с тем, что не-дистанцирование кажется самоочевидным, не требующим обсуждения. Если же поставить вопрос о том, как эта самоочевидность производится, обнаружатся некоторые особенности производства социальной дистанции, которые чаще всего остаются за рамками рассмотрения.

Давайте посмотрим, что происходит с самого начала записи.

1 https://vk.com/wall-107732166_154949?z=video-107732166_456240586

2 <https://www.m24.ru/videos/proisshestviya/25042020/238012>

1

2

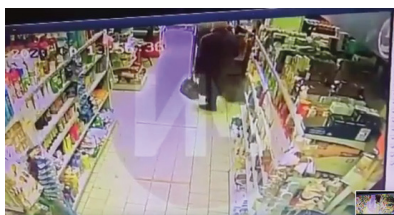
3

4

5

6

7

8

9

10

На записи видно, что «виновник» инцидента (П1) вступает в коммуникацию с пожилой женщиной (П2) еще до нападения на нее (00:00–00:10). Хотя мы не слышим, о чем они говорят, скорее всего, эта коммуникация связана с дистанцией между ними либо с правилами, касающимися социальной дистанции: П1 стоит на специальной полоске, наклеенной на полу, а П2 стоит не только не на разметке, но и сбоку от очереди впереди П1. Прежде чем пойти к кассе, П1 отходит немного влево (00:05–00:06), не покидая полоски, на которой стоит, тем самым либо давая П2 возможность пройти мимо него и встать в очередь сзади, либо дистанцируясь от нее. В пользу первого варианта говорит то, что перед тем, как немного отойти в сторону, П1 делает два жеста с помощью сетки, которую держит в правой руке: первым жестом он отводит сетку немного назад (00:03), что похоже на приглашение П2 пройти за него, вторым жестом он приподнимает сетку в направлении П2 (00:04), возможно, повторяя свое предложение, поскольку сразу после этого он делает шаг в сторону. Уже на этом этапе видно, что не-дистанцирование либо становится объектом внимания (и, возможно, коммуникации) обоих участников, либо легко может им стать. Даже если словесный обмен между ними касается какой-то другой темы, несоблюдение социальной дистанции может вовлекаться в этот обмен и становиться либо частью коммуникации, либо легитимным (с точки зрения одного из участников) подводом для совершения определенных действий. Собственно нападение (00:20) происходит в ситуации, когда, после прохода П1 к кассе, П2 становится за ним, очевидно не учитывая разметку на полу. При этом следует отметить, что П2 не стоит к П1 вплотную: между ними сохраняется определенное расстояние, которую, однако, можно сделать заметным в текущей ситуации в качестве проявления не-дистанцирования, поскольку это расстояние явно меньше того, которое было между П1 и стоявшим перед ним покупателем перед проходом П1 на кассу.

Не видя и не слыша, что происходит около кассы, сложно однозначно судить о том, было ли причиной нападения П1 то, что он счел, что П2 стоит «слишком близко», но в любом случае столкновение начинается до того, как П2 становится за П1 возле кассы. Мы видим, что у конфликта есть предыстория, которая включает в себя кооперативные действия П1 — смену положения и, вероятно, высказывания П1, пытающегося скоординировать свои действия с действиями П2. Отличие кооперации, которая наблюдается в этой ситуации, от кооперации в первом рассмотренном выше фрагменте состоит в том, что здесь она *предшествует* эпизоду не-дистанцирования. Другое отличие состоит в том, что после толчка П1 отворачивается от П2 и продолжает выкладывать товары на кассу (00:26–00:30). Он явным образом *перестает следить* за П1, хотя ситуация

еще не завершена и П2 продолжает лежать на полу. Хотя сразу после толчка П1 какое-то время смотрит на лежащую П1 и, возможно, что-то говорит ей (00:22–00:26), это, скорее, завершающая часть нападения, после которой мониторинг полностью прекращается. Указанные особенности взаимодействия позволяют рассматривать данный случай как пример *дизаффилиации*, связанной с социальным дистанцированием.

Обсуждение

Приведенный выше анализ двух случаев производства социальной дистанции показывает, что в основе аффилиации и диаффилиации, которые можно наблюдать в случаях дистанцирования, лежат социальные практики кооперации, предполагающие коллективное достижение *узнаваемых* дистанцирования и не-дистанцирования. Это позволяет иначе взглянуть на социологическую проблему, в контексте которой часто обсуждается то новое, что было привнесено пандемией в социальную жизнь, а именно, проблему *солидарности*. С самого начала пандемии социальные ученые начали осмысливать значение противоковидных мер для групповой солидарности (см. например [Voicu et al. 2020] и [Morgow 2020]). Некоторые даже указывают на необходимость выделения нового типа солидарности, специфичного для пандемии, — «фрагментарной солидарности» [Basaure, Joignant, Mascareño 2021], которая определяется как «солидарность, основанная на дистанцировании» [Ibid.: 707]. «Дистанцирование» здесь используется как широкий термин, описывающий не столько физическую дистанцию между людьми, сколько дистанцию между разными социальными акторами, участвующими в общественном разделении труда. Люди сегодня должны проявлять солидарность через дистанцирование, что противоречит привычным способам солидаризации.

Однако солидарность можно рассматривать и на уровне «микросоциологии», где физическая близость и удаленность играют важную роль в усилении и ослаблении солидарности. Такой подход практикует, например, Р. Коллинз, доказывающий, с опорой на свою теорию цепочек ритуалов взаимодействия, что «если люди лишаются телесных взаимодействий, можно ожидать, что они будут более подавлены, менее энергичны, будут чувствовать меньше солидарности с другими людьми, будут становиться более тревожными, недоверчивыми и порой враждебными» [Collins 2020: 496]. Соответственно, в той мере, в какой социальная дистанция лишает людей телесной близости, она приводит, в конечном итоге, к снижению солидарности (хотя первоначально солидарность может даже повышаться за счет применения новых ритуалов, например новых форм приветствия).

Приведенные в нашей статье примеры, как нам кажется, показывают, что понятие солидарности не применимо к социальному дистанцированию, поскольку кооперация, необходимая для дистанцирования, не предполагает той общности чувств, которая имеется в виду под «солидарностью». Наблюдаемые эффекты аффилиации в случае реакции на дистанцирование другого и дизаффилиации в случае конфликта с не-дистанцирующимся другим не предполагают достижение общности с партнерами по взаимодействию или отсутствие этой общности. Скорее, следует говорить о практиках производства и достижения узнаваемости действий других людей в качестве действий дистанцирования и не-дистанцирования. Множество сложностей и проблем (иногда приводящих, как мы видели, к применению насилия), которые наблюдаются сегодня в связи с социальным дистанцированием, обуславливаются не распадом солидарности, а трудностями в достижении и поддержании конфигураций ситуативных деталей, которые могут называться «социальной дистанцией».

Заключение

93

Хотя выше обсуждались особенности социального дистанцирования, которые можно найти в разных обстановках, необходимо подчеркнуть, что социальное дистанцирование — это практика, которая осуществляется всегда в конкретных обстоятельствах, т. е. является элементом другой практики, которой в данный момент занят актор. Это может быть поездка в метро, ходьба по улице, очередь в магазине, научная конференция, телевизионное ток-шоу, судебное заседание и т.п. Все эти обстоятельства предполагают специфических участников и специфическую среду, в которой участники совместно производят организационные феномены, специфичные для той или иной области деятельности. В этом смысле важно, что обсуждавшиеся выше особенности социального дистанцирования — это особенности дистанцирования-в-вагоне-метро и дистанцирования-в-очереди-к-кассе-в-магазине. Участники соответствующим образом категоризируют друг друга и делают дистанцирование с помощью тех инструментов, которые доступны в этих конкретных обстановках, и с помощью своих тел. Поэтому ни в этой статье, ни в других натуралистических исследованиях практики социального дистанцирования не стоит задача выявления общих свойств этой практики в ситуации пандемии. Скорее, социальное дистанцирование становится частью нашей повседневности в качестве нового ресурса, в том числе — ресурса действия, понятность и практикуемость которого не предопределяется им самим, а является продуктом ситуативных кооперативных практик. Людям при-

ходится *обнаруживать*, что такое социальное дистанцирование и как его делать, ориентируясь на действия других участников и на то, как другие могут воспринимать их собственные действия.

Такой взгляд на социальное дистанцирование, конечно, оставляет за пределами рассмотрения социальные эффекты дистанцирования, например, его влияние на степень доверия между членами общества. Однако если такие эффекты и имеют место, то их необходимо проследить в цепочках реальных повседневных взаимодействий, через которые они распространяются, а эти цепочки берут начало в исходной ситуации производства узнаваемой социальной дистанции. Кроме того, внимательное рассмотрение этой исходной ситуации, попытка которого была представлена в настоящей статье, может обнаруживать феномены, противоречащие социологическому здравому смыслу. Например, хотя кажется, что дистанцирование свидетельствует об ослаблении социальных связей, на самом деле оно предполагает значительное число кооперативных действий, которые являются не компенсацией невозможности взаимодействовать «как раньше», а попыткой разобраться, как действовать «теперь». Поэтому, если мы хотим понять действительное влияние социального дистанцирования (и других появившихся в нашей жизни пандемических практик) на общества, затронутые пандемией COVID-19, мы должны начинать с тех повседневных взаимодействий, где совместно производится, становится неопределенным или стабилизируется смысл соответствующих действий в доступных участникам особенностях поведения друг друга.

94

Библиография / References

Бурдьё П. (2007) Физическое и социальное пространства. *Социология социального пространства*, СПб.: Алетейя: 49–63.

— Bourdieu P. (2007) Physical Space and Social Space. *Sociology of Social Space*, Saint Petersburg: Aleteya: 49–63. — In Russ.

Гоффман Э. (2017) *Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ*, М.: Элементарные формы.

— Goffman E. (2017) *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*, М.: Elementary Forms Press. — In Russ.

Зиммель Г. (2015) Экскурс о чужаке. *Избранное: Проблемы социологии*, М.: Университетская книга: 228–233.

— Simmel G. (2015) Essay on the Stranger. *Selected Works: The Problem of Sociology*, М.: Universitetskaya kniga: 228–233. — In Russ.

Министерство здравоохранения РФ (2021) *Временные методические рекомендации: профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Версия 12 (21.09.2021)* (<https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/>

attaches/000/058/075/original/BMP_COVID-19_V12.pdf).

— Ministry of Health of the Russian Federation (2021) *Interim Guidelines: Prevention, Diagnosis and Treatment of New Coronavirus Infection (COVID-19). Version 12 (21.09.2021)* (https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/058/075/original/BMP_COVID-19_V12.pdf). — In Russ.

Auriemma V., Iannaccone C. (2020) COVID-19 Pandemic: Socio-Economic Consequences of Social Distancing Measures in Italy. *Frontiers in Sociology*, 5: 575-791.

Baker J. O., Martí G., Braunstein R., Whitehead A. L., Yukich G. (2020) Religion in the Age of Social Distancing: How COVID-19 Presents New Directions for Research. *Sociology of Religion*, 81(4): 357-370.

Basaure M, Joignant A, Mascareño A. (2021) Between Distancing and Interdependence: The Conflict of Solidarities in the COVID-19 Pandemic. *Sociological Perspectives*, 64(5): 706-725.

Collins R. (2020) Social Distancing as a Critical Test of the Micro-sociology of Solidarity. *American Journal of Cultural Sociology*, 8(3): 477-497.

Cozza M., Gherardi S., Graziano V., Johansson J., Mondon-Navazo M., Murgia A., Trogal K. (2021) COVID-19 as a Breakdown in the Texture of Social Practices. *Gender, Work and Organization*, 28(S1): 190-208.

Davy B. (2021) Social Distancing and Cultural Bias. *Journal of the American Planning Association*, 87(2): 159-166.

Goffman E. (1971) *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*, New York: Basic Books.

Hoeben E. M., Bernasco W., Suonperä Liebst L., van Baak C., Rosenkrantz Lindegaard M. (2021) Social Distancing Compliance: A Video Observational Analysis. *PLoS ONE*, 16(3): e0248221.

Katila J., Gan Y., Goodwin M. H. (2020) Interaction Rituals and “Social Distancing”: New Haptic Trajectories and Touching from a Distance in the Time of COVID-19. *Discourse Studies*, 22(4): 418-440.

Kozlowski L. T., Kiviniemi M. T., Ram P. K. (2010) Easier Said Than Done: Behavioral Conflicts in Following Social-Distancing Recommendations for Influenza Prevention. *Public Health Reports*, 125(6): 789-792.

Laurier E., Hamann M., Albert S., Stokoe E. (2020) *Walking in the Time of COVID-19* (<https://rolsi.net/2020/05/05/guest-blog-walking-in-the-time-of-covid-19>).

López D. G. (2021) A Phenomenological Approach to the Study of Social Distance. *Human Studies*, 44(2): 171-200.

Mohler G., Bertozzi A. L., Carter J., Short M. B., Sledge D., Tita G. E., Uchidaf C. D., Brantingham P. J. (2020) Impact of Social Distancing during COVID-19 Pandemic on Crime in Los Angeles and Indianapolis. *Journal of Criminal Justice*, 68(May-June): 101-692.

Mondada L., Bänninger J., Bouaouina S. A., Gauthier G., Hänggi P., Koda M., Svensson H., Tekin B. S. (2020a) Doing Paying during the Covid-19 Pandemic. *Discourse Studies*, 22(6): 720-752.

Mondada L., Bänninger J., Bouaouina S.A., Camus L., Gauthier G., Hänggi Ph., Koda M., Svensson H., Tekin B.S. (2020b) Human Sociality in the Times of the Covid-19 Pandemic: A Systematic Examination of Change in Greetings. *Journal of Sociolinguistics*, 24(4): 441-468.

Morrow J. (2020) Alone Together: Finding Solidarity in a Time of Social Distance. *Space and Culture*, 23(3): 315-319.

Nerlich B., Jaspal R. (2021) Social Representations of "Social Distancing" in Response to COVID-19 in the UK Media. *Current Sociology*, 69(4): 566-583.

Pfalle, L. (2020) Theorizing the Virus: Abjection and the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 40(9/10): 821-829.

Romania V. (2020) Interactional Anomie? Imaging Social Distance after COVID-19: A Goffmanian Perspective. *Sociologica*, 14(1): 51-66.

Scherlis L. (2020) Distantiated Communities: A Social History of Social Distancing (https://www.cabinetmagazine.org/kiosk/scherlis_lily_30_april_2020.php).

Voicu B., Peral E.B., Rusu H., Rosta G., Comşa M., Vasile O.-M., Coromina L., Tufis C. (2021) COVID-19 and Orientations towards Solidarity: The Cases of Spain, Hungary, and Romania. *European Societies*, 23(S1): S887-S904.

96

Рекомендация для цитирования:

Корбут А. М. (2021) Социальное дистанцирование как кооперативное действие: аффилиация и дизаффилиация во время пандемии. *Социология власти*, 33 (4): 75-96.

For citations:

Korbut A.M. (2021) Social Distancing as Cooperative Action: Affiliation and Disaffiliation during the Pandemic. *Sociology of Power*, 33 (4): 75-96.

Поступила в редакцию: 28.10.2021; принята в печать: 14.11.2021

Received: 28.10.2021; Accepted for publication: 14.11.2021